

С тех пор как Чжу Цзылин пережил конец света, он впервые столкнулся с подобным обхождением. Ощущение было странным и донельзя непривычным.

Он опустил взгляд на свою чашу, в которой теперь красовалась сочная жемчужная тефтеля, и невольно подумал:

«Мой "кормилец" Жун Чжао проявляет поразительную сознательность. Мало того что обеспечивает едой, так теперь ещё и новую функцию освоил — лично следит за тем, чтобы я всё съел?»

Юноша снова поднял глаза на Жун Чжао. Тот смотрел на него своими глубокими, чернильно-черными глазами — пристально и спокойно, будто не собирался отводить взгляд, пока супруг не проглотит ни кусочка.

Хотя Чжу Цзылин уже был сыт по горло, стоило ему взглянуть на точеное лицо князя, как его странный недуг пробудился вновь. Против всякой логики, желудок, который только что был полон, отозвался сосущей пустотой.

Осознав это, Чжу Цзылин лишь молча уставился на супруга.

«...»

Чжоу Шэн всё твердит, что его сонливость и аппетит — признаки какой-то болезни. Но если у него и есть болезнь, то имя ей — «голодная реакция на Жун Чжао»!

Зря он, выходит, отбросил лень и так усердно взялся за тренировки.

«Похоже, от них нет никакого толка, — мелькнула мысль. — Может, нагрузка слишком мала?»

Терзаясь сомнениями, Чжу Цзылин всё же послушно съел тефтелю. Это было лучше, чем поддаться искушению и ненароком укусить самого князя.

Стоило ему отвести взор от Жун Чжао, как навязчивый голод немного отступил. С трудом оторвав глаза от лица мужа, юноша повернулся к управляющему Вану:

— И чем же закончился визит коллекторов в поместье министра?

Ван Сянхэ с готовностью продолжил:

— Люди из игорного дома постучали в ворота и во всеуслышание объявили: второй молодой господин Чжу задолжал им двадцать тысяч лянов серебром. Слуги в поместье так и обомлели. Сначала не поверили, преградили путь незваным гостям и побежали докладывать хозяевам. Но когда вернулись, то просто захлопнули двери перед носом преследователей. Заявили, мол, всё это ложь и наветы, и попытались прогнать людей.

Управляющий перевёл дух и добавил:

— Двадцать тысяч — сумма нешуточная. Раз уж люди из игорного дома решились явиться к самому министру, отступить они не собирались. Они привели с собой крепких парней, так что дворовая челядь была им не страшна. Прямо перед воротами поместья завязалась жаркая перепалка. Работники Чжу Жуйхуна лезли из кожи вон, пытаясь заставить их замолчать, но незваные гости не терялись: они развернули долговую расписку перед всеми прохожими и принялись взывать к справедливости, созывая соседей и зевак.

— Должно быть, там собралась целая толпа? — хмыкнул юноша.

— О, ещё какая! Из десяти прохожих девять замирали на месте, чтобы поглазеть на такое диво. Дворовые слуги пытались заткнуть наглецам рты, но куда им до прожженных дельцов? Те вопили на всю улицу, что второй молодой господин, Чжу Цзычжэнь, навещает к нему уже декаду. Делал ставки по сотне, а то и по тысяче лянов за раз. Сначала ему везло — он выиграл несколько тысяч, и игорный дом выплатил всё до последнего медяка. Но в последние дни удача от него отвернулась.

Ван Сянхэ усмехнулся:

— Этот юнец козырял тем, что он сын самого господина министра, и требовал игры в долг, клянясь, что всё вернет. В прошлый раз он задолжал семь тысяч и даже бровью не повел, мол, это сущие гроши, и хотел ставить ещё. Хозяева заведения побоялись убытков и едва его урезонили. Семь тысяч он вернул быстро, а потом пришел с ещё большими деньгами, желая играть по-крупному. Уговоров не слушал, твердил, что отыграется. И вот — в одно мгновение спустил двадцать тысяч. И снова занял у дома.

Управляющий сделал паузу, смакуя детали:

— Преследователи кричали, что доверились честному имени и богатству семьи министра, поэтому и выдали такую сумму. А теперь выходит, что сын высокопоставленного чиновника первого ранга — обычный должник-мошенник! Мол, раз семь тысяч для него — копейки, то и двадцать тысяч — не проблема. Наверняка в доме министра любая безделушка столько стоит, а они обижают маленькое честное заведение.

Ван Сянхэ рассказывал так красочно, будто сам стоял в первом ряду и подзуживал толпу. Чжу Цзылин слушал, не пропуская ни слова.

— Эти люди не промах: они хватали за рукава зевак, спрашивая, по совести ли поступает министр. А слуг поносили последними словами, обвиняя в том, что высокопоставленный чиновник притесняет бесправный народ. Кричали так, будто собрались подавать жалобу самому Императору. Народ-то наш не глуп, все понимают, что те ещё прохвосты, но в том, что молодой господин просадил деньги, никто не сомневался. Услышав про семь тысяч «грошей» и долг в двадцать тысяч, люди только и делали, что качали головами да тыкали пальцами в сторону ворот поместья.

— И что же хозяйева? — азартно блеснул глазами Ванфэй.

— В поместье занервничали. Допустить, чтобы такой позор продолжался у всех на виду, было нельзя. Управляющий вывел новую ораву слуг, пытаясь силой вытолкать людей, мол, те просто смутьяны. Но незваные гости оказались не лыком шиты: даже когда их волокли прочь, они продолжали требовать, чтобы Чжу Цзычжэнь вышел и объяснился лично. Вопили, что слуги министра бьют народ... И тут, как по заказу, со службы вернулся сам господин Чжу.

— И что? Его удар не хватил? — радостно спросил Чжу Цзылин, взглядом поторапливая управляющего поскорее продолжить.

Однако Ван Сяньхэ покосился на Жун Чжао и поспешно сменил тон:

— Ванфэй, посмотрите, какой чудесный суп из черепахи. Если не выпьете сейчас, он остынет. Не забывайте о еде, слушать истории за обедом куда приятнее.

«...»

Чжу Цзылин обернулся и увидел, что Жун Чжао своими изящными пальцами пододвинул к нему целую супницу.

— Ешь, — коротко велел князь.

«...»

Чжу Цзылин невольно задумался:

«Неужели у Жун Чжао внезапно проснулся интерес к "кормлению" подопечных?»

Видя, что пока он не притронется к еде, продолжения не последует, юноша наполнил чашу до краев. Прихлебывая наваристый бульон, он снова воззрился на Ван Сяньхэ.

А угощение и впрямь было хорошим. Чжу Цзылин чувствовал, что осилит ещё пару чашек.

Управляющий, заметив, что князь немного смягчился, довольно улыбнулся и продолжил:

— Господин Чжу — человек закаленный, так что до беспамьтства не дошло. Но радости он точно не испытал...

Крики коллекторов разносились на всю округу, их было слышно ещё на повороте к улице. Чжу Жуйхун помрачнел в одно мгновение и велел кучеру гнать во весь опор. А пока экипаж летел к дому, обвинения в притеснении народа градом сыпались ему в уши. Министр, всегда кичившийся своей безупречной репутацией, бледнел и краснел от ярости. Когда же он увидел толпу, глазеющую на его поместье как на балаган, кровь и вовсе бросилась ему в голову.

При виде экипажа хозяина слуги замерли. Зеваки, не смея больше шуметь, почтительно расступились. Глава семейства в гневе выскочил из кареты, обвел ледяным взглядом дерущихся слуг и коллекторов и рявкнул на управляющего:

— Что здесь происходит?!

Тот лишь замялся, не в силах вымолвить ни слова. Они так спешили прогнать людей, чтобы хозяин ничего не узнал, но вышло с точностью до наоборот.

Пока управляющий молчал, проситель не терял времени. Он рухнул в ноги министру, запричитав на всю улицу:

— Господин министр! Вы — наш «справедливый судья», заступитесь за маленьких людей! Ваш второй сын задолжал нам деньги, расписка при мне: черным по белому, с его личной подписью и печатью. Мы пришли чинно просить долг, а ваши слуги, даже не разобравсь, обвинили нас в обмане и полезли в драку! Эта сумма — выручка нашего заведения за целый год, на эти деньги кормятся десятки семей! Если вы не вернете долг, вы обречете нас на голодную смерть!

Чжу Жуйхун слушал это, и внутри у него всё клокотало. Он готов был собственноручно заткнуть крикуну рот, но под прицелом сотен глаз не мог позволить себе ни одного лишнего движения.

— Сколько Чжу Цзычжэнь у вас занял? — процедил он сквозь зубы.

Министр злился на нерасторопного управляющего: пусть сын и натворил дел, нужно было сначала выплатить деньги, замять скандал, а не выставлять семью на посмешище. Впрочем, он понимал, что без приказа госпожи Ху управляющий не посмел бы действовать так резко.

«Глупая женщина! Короткий ум, длинный язык... Только и знает, что палки в колеса мне вставлять!»

Несмотря на ярость, господин Чжу старался сохранять достоинство. Он решил немедленно

отдать деньги, чтобы восстановить репутацию перед народом, а уж дома разобраться по-своему.

— Молодой господин задолжал нам двадцать тысяч за игру, — выпалил коллектор.

— Что?! — лицо Чжу Жуйхуна исказилось. — Двадцать тысяч?!

Он полагал, что сын не мог просадить слишком много за такой короткий срок. Думал, тысяч пять — предел. Но двадцать тысяч?! И всё это — карточный долг?! Этот негодяй втайне от него проиграл такое состояние?!

Слова о немедленной выплате застряли у министра в горле. В голове пульсировала лишь одна мысль:

«Этот... этот выродок!»

Даже после стольких лет в министерских коридорах, он едва сдерживал дыхание, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Но самое худшее было впереди.

В толпе зевая кто-то громко крикнул:

— Семь тысяч для молодого господина — пустяки? А я слышал, он в эти дни в ломбард наведывался, вещи закладывал!

— И ты слышал? — подхватил другой. — А я вот знаю, что сегодня утром сама госпожа министра в тот ломбард ходила. Скандал учинила, не хотела проценты по договору платить, требовала вещи задаром вернуть!

— Неужто правда? Слышал я, что она, не получив своего, грозилась ломбард разнести и закрыть, чуть бедного лавочника до смерти не довела!

— Так, может, слухи-то и не врут? Я-то думал, чего ради госпоже в ломбарды ходить, а выходит — серебро сынку на долги искала?

— Неужто у министра в доме двадцати тысяч не найдется?

— Сегодня двадцать, а кто знает, в скольких ещё домах этот второй господин успел наследить...

Зеваки судачили прямо перед лицом Чжу Жуйхуна. Сначала он не мог поверить своим ушам, но, слушая эти обрывки фраз, быстро сложил картину воедино.

Глаза его налились кровью. Забыв о просителях, он рявкнул на управляющего:

— О чем они болтают?! Госпожа сегодня была в ломбарде?!

Управляющий вжал голову в плечи: он и сам не знал об утренней вылазке Ху Юэсинь.

— Р-раб... раб не ведает...

— Где госпожа?! — Министр уже не заботился о своем образе благообразного ученого. Он выглядел как разъяренный демон.

— Госпожа... госпожа в полдень снова лишилась чувств. Ей нездоровится, она почивает...

— Снова в обмороке? — Чжу Жуйхун нахмурился. Сначала он подумал, не притворство ли это, но быстро сообразил:

«Она ведь действительно была в ломбарде, так?! Вернулась ни с чем и от злости в обморок рухнула?!»

Управляющий лишь скорбно молчал. Хотя прямого ответа не последовало, господин Чжу понял: его догадка верна. Даже если Ху Юэсинь не творила всего того, о чем судачит толпа, слухи уже разлетелись, и вред его репутации нанесен непоправимый!

«Она ещё смеет "почивать", опозорив меня на весь город!»

У министра самого потемнело в глазах. К горлу подкатил комок, во рту разлился вкус меди — он едва не сплюнул кровью. Глубоко вдохнув несколько раз, он с трудом подавил приступ и холодно бросил коллекторам:

— Когда я разберусь в этом деле, все долги будут возвращены. Приходите через несколько дней.

Слушать дальше издевательский шепот толпы он не мог и стремительно вошел в дом. Тяжелые ворота поместья с грохотом захлопнулись.

— Раз уж господин министр дал слово, коллекторам пришлось уйти. Но народ не разошелся — они ещё долго стояли у ворот, расспрашивая тех людей о похождениях второго молодого господина в игорных домах, — закончил свой рассказ Ван Сяньхэ.

Чжу Цзылин, который поначалу ожидал лишь истории о долгах Чжу Цзычжэня, был поражен таким поворотом. Он выплюнул косточку от черепашьей лапки, которую задумчиво грыз всё

это время, и, моргнув, спросил:

— Так что же всё-таки Ху Юэсинь устроила в ломбарде?

Управляющий улыбнулся:

— О, это тоже презанятная история, о ней сейчас на каждом углу толкуют.

Видя, как Ванфэй горит любопытством, Ван Сяньхэ уже собрался было начать новый рассказ, но Жун Чжао, заметив, что чаша юноши пуста, снова постучал по столу, напоминая:

— Суп ещё остался.

«...»

Ван Сяньхэ даже замялся. Неужели Его Высочество всерьез решил откормить супруга? Тот и так уже съел немало...

Чжу Цзылин, впрочем, начал привыкать. Желая поскорее услышать о позоре мачехи, он не стал спорить и налил себе ещё. Однако, встретившись взглядом с Жун Чжао, он помедлил.

— Там осталась последняя порция. Может, Ваше Высочество выпьет её? — предложил он, придя в себя.

Раз уж «кормилец» проявляет такую заботу, нужно и ему проявить хоть каплю внимания в ответ.

— Ванфэй больше не хочет? — Жун Чжао слегка нахмурился. — Если мало — велю принести ещё.

«...»

— Я правда сыт, — Чжу Цзылину впервые пришлось отказываться от еды. Похоже, Жун Чжао всерьез переоценил объемы его желудка. — Неужели ты и впрямь считаешь меня «голодным демоном»?

Морщинка между бровями князя стала глубже, и он сухо бросил:

— Разумеется, нет.

— Тогда почему ты заставляешь меня столько есть? — Чжу Цзылин чуть склонил голову набок, глядя на него. — Я бы не стал чиниться перед тобой. Если я говорю, что сыт — значит, так оно и есть.

«...»

Чжу Цзылин был на редкость хорош собой: он держал чашу перед собой, и его лицо на её фоне казалось таким же маленьким и белым, как тонкий фарфор. Но его живые глаза сияли ярче любых узоров. В их зрачках отражался только Жун Чжао, и сам юноша в этот миг казался удивительно милым.

Мысли князя на мгновение спутались. Он не стал больше принуждать юношу, сам допил остатки бульона и невозмутимо ответил:

— Я понял.

«Говорит, что не стал бы чиниться, а сам уже не раз скромничал», — пронеслось в голове князя.

Знай Чжу Цзылин, что муж считает его «скромником», он бы от радости удвоил свои аппетиты и требования.

Но юноша ничего не подозревал. Попивая суп вместе с Жун Чжао, он снова уставился на Ван Сяньхэ. Тот, видя, как Ванфэй парой слов заставил князя выпить лишнюю чашку, расплылся в улыбке — морщинок на его лице стало ещё больше. Он принялся расписывать «веселую историю» с удвоенным рвением, словно заправский рассказчик. Он поведал о том, как Чжу Цзычжэнь втайне закладывал вещи, как мать пыталась их выкупить, как лавочник не поддавался на её угрозы и как она опозорилась перед толпой.

Услышав, что Ху Юэсинь так пострадала из-за собственного сына, Чжу Цзылин почувствовал ещё большее злорадство.

— Надо же, не ожидал, что долги Чжу Цзычжэня принесут такой плод, — восхитился он. — Но, почтенный управляющий, откуда у вас столько подробностей? Вы так складно всё излагаете... Специально разузнали о делах поместья Чжу?

Юноша с любопытством смотрел на старика. Он задал этот вопрос просто так, но Ван Сяньхэ вдруг застыл и невольно покосился на Жун Чжао.

Заметив это, Чжу Цзылин тоже повернулся к мужу и встретил его глубокий, непроницаемый взгляд.

«...»

Жун Чжао помедлил мгновение, но лицо его осталось бесстрастным:

— Нет. Все об этом болтают.

— Именно так! — поспешно подхватил управляющий. — Старику вроде меня только и остается, что слухи собирать. В городе об этом только и речи. Сказители в чайных уже всю расписывают, как госпожа Ху была груба с Ванфэй. Теперь, должно быть, все в столице знают, какая она злая женщина.

Чжу Цзылин удивленно приподнял бровь:

— Неужели слухи разлетелись так быстро?

Ху Юэсинь и её семейство не были такими уж важными персонами, да и история их, хоть и скандальная, лишена была той любовной интриги, которую так ценит простой люд. С чего бы ей разлетаться с такой скоростью? Обычно такое случается лишь с действительно значимыми фигурами... такими как Жун Чжао. Любая весть о нём мгновенно обрастает подробностями.

Слухи о «голодном демоне» тоже распространились благодаря имени князя. Но поместье Чжу... Неужели всё и впрямь так серьезно? И детали так точны?

Чжу Цзылин почувствовал легкое подозрение, но Ван Сянхэ, не замечая этого, продолжал уверять:

— Конечно! В кругах знати об этом уже всю трубят, а через пару дней и последний бедняк будет знать. Все станут обсуждать позор госпожи Ху и позабудут о сплетнях про Ванфэй.

Сказав это, управляющий украдкой взглянул на князя.

Разумеется, без вмешательства Жун Чжао дело бы не шло так споро. Но князь решил отплатить поместью Чжу их же монетой и заранее всё подготовил. Стоило скандалу вспыхнуть, как он подлил масла в огонь, и весть разлетелась вмиг. По сути, с того момента, как Чжу Цзычжэнь сел за игорный стол, и до нынешнего дня — всё было частью плана Жун Чжао.

И такая изощренная месть предназначалась тем, кто обидел Чжу Цзылина.

То, как князь оберегал своего «супруга», дарованного Императором, вызывало у Ван Сянхэ и восхищение, и недоумение. Но нельзя было отрицать: с появлением Чжу Цзылина в Жун Чжао пробудилась жизнь. Он перестал быть той натянутой струной, какой казался все эти годы.

Видя такое доброе влияние юноши на господина, управляющий решил, что даже если князь действительно привязался к Чжу Цзылину — это к лучшему. В нынешнем состоянии Жун Чжао

Ван Сянхэ уже не смел мечтать о продолжении рода, но найти близкую душу — это ли не дар небес?

Старик считал, что Жун Чжао следовало бы всё рассказать Чжу Цзылину. Раз уж князь так старается ради него, пусть юноша знает об этом — его благодарность и любовь только окрепнут. Зачем скрывать свои усилия?

Но Жун Чжао был непреклонен. Он строго-настрого запретил выдавать себя перед Ванфэй. У него были свои причины.

Чжу Цзылин и так липнет к нему слишком сильно, то и дело прощупывая почву и напоминая о прошлом. Узнай он, сколько сил князь потратил на эту месть, — окончательно возомнит, что Жун Чжао к нему равнодушен.

Князь слегка опустил веки, скрывая выражение глаз. В конце концов, он делал это не ради похвалы.

В этом не было нужды.

<http://bllate.org/book/15829/1442002>